

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)
ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВА (Ханты-Мансийск)

О ДЕФИНИЦИЯХ ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ИХ СТАТУСЕ В ПЕРМСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Abstract. On the definitions and status of gerundives in Permian and Mari linguistics

The available linguistic studies and normative grammars of Permian and Mari languages define the type of non-finite verb forms classifiable as the gerundive using definitions borrowed from the works of Russian linguists written in the 1950s and 1960s. In general lines those definitions match the Russian language, being based on a ready-made scheme rather than the authentic language material. The result is an extremely simplified description of the Permian and Mari gerundives. Upon a critical analysis of the situation the following extended definition of the word class is given: 1) gerundives are inflected words sharing some properties with verbs, nouns and adverbs; 2) a gerundive may modify either the predicate or the whole clause; 3) a gerundive may either share the subject with the predicate or have its own subject; 4) from the syntactic point of view gerundives function as adverbial modifiers.

Keywords: Komi language, morphology, verb, non-finite verb forms, gerundive, definitions of the gerundive and their interpretations.

Деепричастия в пермских и марийском языках достаточно своеобразны по сравнению даже с их соответствиями в других финно-угорских языках, благодаря чему уже в первых грамматиках они выделялись как самостоятельные глагольные образования, а в дальнейшем служили предметом специальных исследований. Х. Рятсеп отмечает, что в области инфинитных глагольных форм пермские языки отличаются разнообразием деепричастий, а наиболее богат деепричастиями коми язык (Rätsep 1954 : 473, 505). В. Таули писал, что среди финно-угорских языков особенно много инфинитных глагольных форм в пермских языках (Tauli 1966 : 180). Однако их статус и связанные с этим проблемы как терминологического, так и интерпретационного характера далеки от ясности и однозначности восприятия и сегодня. Этим объясняется обращение авторов к данной теме. В статье рассматриваются дефиниции и определяемый ими статус деепричастий преимущественно в российском финно-угроведении (пермистике и марийской лингвистике). Для начала необходимо выяснить основные термины для рассматриваемых образований.

О выборе термина

В отечественной финно-угорской литературе общепринят русский термин *деепричастие*, введенный в славянскую грамматику М. Смотрицким для обозначения специфических форм славянского глагола. Значение компонентов термина «дее-причастие» показывает, что подразумеваемые им формы трактуются как производные от причастий или соотношенные с ними — но функционально сдвинутые в сторону глагола (*дее-*). М. И. Черемисина пишет: «Сам термин «деепричастие» используется лишь некоторыми грамматическими традициями, испытавшими влияние русистики, тогда как формы с аналогичными свойствами могут обнаружиться и в языках, которые описываются без привлечения этого термина, могут «жить под другими именами»» (1977 : 4). В принципе то же содержание заложено и в соответствующем англоязычном термине *adverbial participle* (Ахманова 2007 : 125). В зарубежном финно-угроведении наиболее популярен термин герундий (англ. *gerund*, нем. *Gerundium*, фин. *gerundi*). Традиционное наименование первоначально обозначало отглагольное существительное в латинском языке (*gerundium*), затем стало применяться в отношении специфических глагольных форм, атрибутов финитных глаголов в финно-угорских языках, в частности, марийском и пермских (Alhoniemi 1985 : 141; Kangasmaa-Minn 1966 : 172; Bartens 1979 : 140; 2000; Kokla 1963 : 27; Stipa 1960). В некоторых более ранних работах встречается и такой термин, как *Verbaladverb* (Wiedemann 1884; Uotila 1938; Fokos-Fuchs 1958). В венгерской лингвистической традиции употребителен составной термин *határozói igenév* 'наречное отглагольное имя'. В коми лингвистической традиции в последнее время укоренился термин *ногакыв*, который по компонентам можно перевести как 'слово, выражающее обстоятельство'. В последнее время все активнее в финно-угорские лингвистические исследования входит обусловленный синтаксической функцией термин *конверб* (англ. *converb*), см. работу Ю. Юликоски о коми и финских деепричастиях (Ylikoski 2001 : 420—424). По данным М. И. Черемисиной, этот термин впервые использовал Г. Рамстедт в работе «Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Formenlehre» (Ramstedt 1952) для обозначения монгольских форм, ныне называемых также деепричастиями (см. Черемисина 1977 : 26). Под конвербами понимаются глагольные формы, синтаксически зависимые от другого глагола, но не его синтаксические актаны. Эти формы могут иметь свой субъект и другие распространители, благодаря чему семантически конверб трактуется как нефинитный аналог-соответствие придаточных предложений. В современных типологических исследованиях именно термин конверб считается базовым, типологические особенности конвербов определил В. П. Недялков (Nedjalkov 1995). В англоязычной литературе употребляются также термины *verbal adverbs* 'глагольные наречия' или просто *participles* в обстоятельственной функции, ср. англ. *She came in, crying* 'Она зашла, плача' (Haspelmath 1994 : 153). Необходимо заметить, что по сравнению с европейскими и русским языками материал деепричастий/конвербов пермских и марийского языков отличается богатством и разнообразием.

Наряду с отнесением рассматриваемых образований к глаголу, что является наиболее традиционным их восприятием, в некоторых рабо-

тах отмечался их статус как особого вида наречий. Так, Д. В. Бубрих говорил о вербальных наречиях, «которые имеют ту особенность, что подчиняют себе другие слова на тех же началах, что глаголы, — имеют при себе прямое дополнение, обстоятельство и т. п. Это — вербальные наречия, или деепричастия. Действитель при них отмечается так же, как при вербальных именах существительных» (Бубрих 1949 : 135). Подобным же образом В. А. Суханова именуется рассматриваемые образования деепричастными наречиями и дает свое определение: «Группа наречий, представляющая собой застывшие формы отглагольных имен существительных, сохраняющая некоторые глагольные категории и глагольное управление, которое обусловлено их происхождением, выступающая в предложении в функции обстоятельственных слов (а также могущая выступать в позиции второстепенного сказуемого) называется группой деепричастных наречий» (Суханова 1951 : 25). Тем не менее тот же Д. В. Бубрих описывает эти образования в разделе «Глагол». Противоречиво представлен статус деепричастий и в коми-зырянской грамматике 1955 г.: «Деепричастия коми языка стоят ближе к наречиям, чем к глаголу»; «Отглагольные наречия коми языка мы лишь условно называем деепричастиями (они часто соответствуют по значениям деепричастиям русского языка) и рассматриваем в разделе глагола» (СКЯ 243). Та же трактовка представлена в коми-пермяцкой грамматике 1962 г., однако материал помещен в разделе «Глагол» (КПЯ 281).

В плену одной дефиниции

В толковании деепричастий отечественными исследователями наблюдается следующая особенность: в 1950-е годы, когда появились наиболее крупные работы о деепричастиях пермских и марийского языков, авторы непосредственно исходили из постулатов и определений русской грамматической традиции. Эти определения акцептировали следующие положения: деепричастие считалось 1) *н е и з м е н я е м о й* инфинитной формой глагола, 2) *с о х р а н я ю щ е й* особенностью глагола и наречия, 2) *в ы р а ж а ю щ е й* признаком основного действия или второстепенное, *з а в и с и м о е* от основного глагола *д е й с т в и е*. Данное определение сделано на основе изучения деепричастий прежде всего русского языка. Известно, что в русском языке деепричастия произошли от причастий довольно поздно, в период самостоятельного развития языка. Как справедливо отмечает М. И. Черемисина, «русский язык предлагает своим носителям небольшие возможности выбора» (1977 : 7), имея в виду релевантность одной оппозиции по одновременности/разновременности действия, наличия всего двух видов деепричастий исключительно моносубъектного характера, когда производитель действия деепричастия совпадает с производителем основного действия, выраженного в сказуемом — спрягаемом глаголе. В принципе то же наблюдается и в основных европейских языках: многих образований, характерных для финно-угорских языков, там практически нет. Коль скоро рассматриваемые образования в основных европейских языках отсутствуют или представлены недостаточно, то нет и серьезных теоретических разработок темы. Это положение демонстрирует и дефиниция деепричастия в словаре лин-

гвистических терминов: «Именное (непредикативное) отглагольное образование, объединяемое с системой глагольных форм категориями вида и залога и общностью управления и обозначающее второстепенное добавочное действие, примыкающее к главному действию. *Русск.* Молнии, слеза глаза, рвали тучи» (Ахманова 2007 : 125).

Однако материал пермских и марийского языков, не говоря уже о тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, позволяет усомниться в правомерности применения упомянутой дефиниции как не отражающей основных характеристик деепричастий в этих языках.

В вузовском учебнике коми языка 1955 г. деепричастия и отглагольные наречия отождествляются, определение предельно краткое (автор раздела А. И. Кипрушева): «Деепричастия — это такая глагольная форма, которая совмещает в себе признаки глагола и наречия» (СКЯ 243). В вузовском учебнике коми-пермяцкого литературного языка дается похожая дефиниция: «Деепричастие глагольная форма, сохранившая ряд глагольных категорий и имеющая некоторые признаки наречий» (КПЯ 280). Как правило, примеры для иллюстрации подобраны соответствующим образом, например, *Детинкаяс... с ё р н и т і г т ы р й и ч а р ё м в ы в т і м ё д ё д ч и с н ы к ы в т ы д* 'Мальчики... разговаривая, отправились по насту книзу' (СКЯ 244), *Туй вылёт г у р ё т ё м ё н м у н ё г у с е н и ч н о й т р а к т о р* 'По дороге, гудя, идет гусеничный трактор' (КПЯ 280). Н. Д. Манова в статье, посвященной сравнению деепричастий русского и коми языков, берет за основу определение из «Русской грамматики» 1980 г.: «атрибутивная форма глагола, совмещающая значение двух частей речи: глагола и наречия» (Манова 1984 : 121).

В нормативной грамматике удмуртского языка определение следующее (автор раздела П. Н. Перевощикова): «Деепричастие — особая глагольная форма, которая выражает действие и характеризует другое действие. Деепричастие совмещает в себе свойства глагола и наречия. Основными их них являются глагольные» (ГСУЯ 269). Примеры: *Партизанъёс, куинь группалы люк и с ь к ы с а, нюлэскысь потйзы* 'Партизаны, разделившись на три группы, вышли из леса', *Анисимов, капкан п у к т ы к у з, тодмотэм пййшулэсь пытьызэ адриз* 'Анисимов, ставя капкан, увидел след неизвестного зверя' (Перевощикова 1959 : 29). В монографии об удмуртских деепричастиях П. Н. Перевощикова, хотя и не дает определения, всецело исходит из традиционного в русистике — в основных грамматиках и авторитетнейшем тогда труде В. В. Виноградова «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)».

В монографии, посвященной деепричастиям в марийском языке, Н. И. Исанбаев пишет: «Под деепричастиями в марийском языкознании принято понимать неспрягаемые формы глагола, совмещающие в себе свойства глагола и наречия» (1961 : 3). В разделе «Деепричастие» (автор тоже Н. И. Исанбаев) научной грамматики марийского языка приведено иное определение: «Деепричастие — это неспрягаемая форма глагола, обозначающая второстепенное действие, связанное с основным действием подлежащего» (СМЯ 250). Отмечая особенности деепричастия, автор выделяет его глагольные и наречные признаки. Подобно глаголу деепричастие в марийском языке имеет суффиксы видового и залогового значения, управляет падежными и послеложными формами имен, имеет наречное определение. Близость деепричастия к наречию

выражается в том, что в предложении оно всегда примыкает к глаголу и характеризует обозначаемое им действие. В принципе теоретическое представление о пермских и марийских деепричастиях не выходило за рамки дефиниций, сформулированных применительно к русскому языку, что демонстрирует статья в энциклопедии «Русский язык»: «Деепричастие — неспрягаемая глагольная форма, обладающая категориальными свойствами глагола и наречия и обозначающая процесс как признак другого процесса (*рисую, напевал; писал, сидя за столом*). Принадлежность Д. к глаголу проявляется в наличии вида и залога (действительного); как и наречие, Д. не имеет форм словоизменения. Некоторые лингвисты определяют Д. как глагольно-наречное образование (В. Н. Белоусов)» (РЯ 107). В действительности под это определение подпадает лишь часть пермских и марийских деепричастий или же формы в определенном их функционировании, в марийском это деепричастия на *-н*, в удмуртском на *-са*, *-тэк*, в коми на *-ӧмӧн*, *-ана*, *-игтыр(йи)*, *-игсор(ӧн)*.

Много от глагола, мало от наречия

В работах в 1950—1960-х годов последовательно представлены глагольные и наречные характеристики деепричастий. К глагольным обычно относили следующее: общее значение действия, наличие залоговых и видовых суффиксов, способность управления зависимыми словами, способность иметь наречное определение. Список наречных особенностей относительно скуден: для пермских языков это неспрягаемость и несклоняемость, подчинение глаголу способом примыкания, обозначение признака другого действия (Перевошиков 1959 : 36), для марийского языка, кроме того способность присоединять суффикс сравнительной степени *-рак*, например, *Изйш в олгы ж мекырак кынелына* 'Встанем, когда немного станет светлее'; *Мом ышташ, кас ли й мешкырак?* 'Что делать до тех пор, пока не настанет вечер?' Однако с суффиксом *-рак* зафиксированы примеры только с темпоральными деепричастиями на *-меке* и *-мешке*. Суффикс сравнительной степени, присоединяясь к деепричастию, часто вносит в общее временное значение оттенок уточнения периода действия, что не является характерным, основным значением суффикса *-рак*. Во всяком случае речь не может идти о полноценном выражении сравнительных отношений. Наречные особенности деепричастий — неизменяемость и синтаксическая функция обстоятельства — при ближайшем рассмотрении оказываются фиктивными, так как наречия большинства финно-угорских языков изменяются, присоединяют посессивные суффиксы, суффиксы множественного числа, некоторые падежные показатели, суффиксы сравнительной степени, а с другой стороны, функция обстоятельства характерна не только для наречий.

Остаточные явления?

Для работ 1950—1960-х годов характерно также стремление или отрицать, или преуменьшать именные характеристики деепричастий в пермских и марийском языках. Приведем некоторые цитаты из считающейся классической монографии П. Н. Перевошикова: в удмурт-

ском языке «образования на *-са*, *-тэк*, *-ку*, *-тозь* и *-мон* характеризуются отсутствием именных признаков (за исключением пережиточных)»; «глагольные образования на *-са*, *-тэк*, *-ку*, *-тозь* и *-мон*, как уже указано, не имеют в современном языке именных свойств»; «частичные именные признаки деепричастий необходимо отнести к остаточным свойствам от той категории, на основе которой возникли и оформились современные деепричастия» (Перевощиков 1959 : 9, 10, 16). Несмотря на отрицание именных черт, автор, естественно, не мог их не заметить. Так, он пишет, что удмуртские деепричастия с *-ку* и *-тозь* свободно могут принимать лично-притяжательные формы, к деепричастиям на *-ку* могут присоединяться падежные суффиксы датива *-лы* и аблатива *-лэсь* (*мыныкылы*, *лэсьтыкузылэсь*), к деепричастиям на *-тозь* присоединяются суффиксы датива и инессива, например, *Пушкин вань у лы т о з я з мур гажалляз нянязэ* 'Пушкин в течение всей своей жизни глубоко уважал свою маму' (Перевощиков 1959 : 14, 66, 74). Таким образом описание получилось противоречивым, т. е. материал языка фактически опровергает выдвинутые положения.

Учебники коми языка также отмечают наличие именных особенностей у деепричастий: употребление при деепричастиях суффикса множественного числа, присоединение посессивных суффиксов, употребление с послелогоми, однако объяснялось это историческими причинами, сохранением неких именных реликтов (СКЯ 245; КПЯ 281). Фиксировалось и то, что посессивные суффиксы могут выражать значение действующего лица, например, *Ги ж и к а н ы м кылӓм, кыдз оссис класс ыбӓс* 'Когда мы писали, то услышали, как открылась дверь класса' (КПЯ 281). Д. В. Бубрих тоже выделял своеобразие современных деепричастий: «В вербальных наречиях на *-иг-* сохраняется многое от вербальных имен существительных, от которых они произошли, представляя собой их остаток» (Бубрих 1949 : 138). Это способность иметь при себе определения (коми *быд кучкигӓн* 'при каждом ударе'), сохранение многих падежных форм, присоединение суффикса множественности. Кстати, Ф. И. Видеман коми образования на *-yg* (*-ig*), коми-пермяцкие на *-yk* (*-ik*), удмуртские на *-ky* (*-ku*) считал отглагольными именами (*Verbalnomen*), имея в виду их именные характеристики (Wiedemann 1884 : 167). Т. Э. Утила также отнес эти коми и коми-пермяцкие образования к отглагольным именам (Uotila 1938 : 59).

Н. И. Исанбаев, говоря о наречных чертах марийских деепричастий, выделил два момента: во-первых, то, что они, являясь приглагольным определениями, способны иметь при себе, как и наречия, суффикс сравнительной степени; во-вторых, то, что они в отличие от деепричастий русского языка не остаются абсолютно неизменными по форме. Они могут принимать некоторые грамматические показатели, в частности, притяжательные суффиксы, усилительные частицы, и тем самым в какой-то степени видоизменяют свою внешнюю форму (СМЯ 250). Как известно, посессивность — это категория прежде всего имени существительного. Однако отмечая употребление притяжательных суффиксов с деепричастиями, автор не называет это признаком существительного.

В некоторых работах дается пространное определение деепричастий. Например, в «Черемисской грамматике» А. Альбинского: «Деепричастие не может склоняться, а употребляется при глаголе для обо-

значения разных обстоятельств того лица или вещи, к которым оно относится, например: *Эдэм, кушмынга шонгемеш* 'Человек, возмужав, стареет'. Автор подразделяет их на деепричастия настоящего (*пуртэмла* 'вводя') и прошедшего (*пуртэмынга* 'введши') времени (Альбинский 1837 : 195,196). Хотя с времени появления этого труда и прошло уже 172 года, определение А. Альбинского гораздо более приемлемо для пермских и марийского языков, нежели приведенные дефиниции отечественных ученых 1950—1960-х годов.

Таким образом, описание деепричастий в трудах российских ученых 1950—1960-х годов получилось в целом как неполным, так и не вполне адекватным по причине теоретической заданности и зависимости от постулатов и дефиниций, сформулированных по отношению к деепричастиям русского языка.

Более соответствующее представление о ситуации в пермских языках дают работы Ф. Й. Видемана, Т. Уотилы и особенно Д. Фокоша-Фукса, а также кандидатская диссертация П. Кокла (1963) и небольшая статья Н. Д. Мановой (1984).

Д. Р. Фокош-Фукс определяет деепричастия (*Verbaladverbe*) следующим образом: «Деепричастие — отглагольное имя, которое снабжено падежным окончанием, реже не имеет его и может выполнять роль обстоятельства. Его характер как отглагольного имени раскрывается отчасти в глагольных, отчасти в именных чертах: как глагольное образование, оно может иметь дополнения, как настоящий глагол (аккузативный объект и различные обстоятельства), может обозначать способ действия (одновременность и предшествующее действие, реже последующее действие). Номинальный характер деепричастия выражен в том, что оно принимает посессивные суффиксы, ранее и падежные окончания» (Fokos-Fuchs 1958 : 277). В данной дефиниции у деепричастий справедливо выделяются глагольные и именные особенности как основные. Последние в отмеченных работах несправедливо умалялись или просто отвергались.

Кратко охарактеризуем такую особенность деепричастий марийского и коми языков, как изменяемость, способность принимать посессивные суффиксы, обозначающие субъект действия деепричастия. Эта особенность ярко характеризует деепричастия, но не все разряды в равной мере (см. табл. 1).

Таблица 1

**Употребление посессивных суффиксов
при деепричастных формах в лугово-марийском литературном языке
(на материале художественных текстов)**

Формы деепричастий	Всего	Посессивные суффиксы					
		единственное число			множественное число		
		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
-меке	361	25 (7%)	34 (10%)	244 (67%)	3 (1%)	3 (1%)	52 (14%)
-мешке	123	23 (19%)	17 (14%)	60 (49%)	–	3 (2%)	20 (16%)
-шыла	440	18 (4%)	5 (1%)	386 (88%)	–	–	31 (7%)
-н	48	–	–	48 (100%)	–	–	–
-де	17	–	–	17 (100%)	–	–	–

Все рассмотренные формы деепричастий принимают притяжательные суффиксы. По этому поводу П. Кокла отмечал: «Герундии в марийском языке являются глагольными именами, выступающими в падежной форме. Поэтому их связь с лицами и выражается посредством притяжательных суффиксов, как это обычно имеет место у имен» (1963 : 27, 28). Однако субъект действия у герундиев может выражаться не только с помощью притяжательного суффикса, но и другими средствами.

В коми языке посессивные суффиксы присоединяются не ко всем разрядам деепричастий, которых намного больше, нежели в марийском и удмуртском языках. Картина употребления посессивных суффиксов в коми художественных текстах представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Употребление посессивных суффиксов
в деепричастных формах в коми-зырянском литературном языке
(на материале художественных текстов)**

Основные разряды	Px	Px1sg	Px2sg	Px3sg	Px1pl	Px2pl	Px3pl
-мысьт	-	-	-	-	-	-	-
-иг	+	+	+	+	+	+	+
-игмоз	-	+	+	+	+	+	+
-игсор(өн)	-	-	-	-	-	-	-
-игтырийи	-	+	+	+	+	+	+
-игчӧж(өн)	-	+	+	+	+	+	
-игкості	-	+	+	+	+	+	+
-игкежлӧ	+	+	+	+	+	+	+
-ана	-	-	-	-	-	-	-
-анмоз	-	+	+	+	+	+	+
-ӧмӧн	-	-	-	-	-	-	-
-тӧг	-	+	+	+	+	+	+
-тӧдз	-	+	+	+	+	+	+
-мӧн	-	+	+	+	+	+	+

В целом коми деепричастия в силу исторических причин максимально сохраняют субстантивные характеристики на синхронном уровне, на что указывали многие исследователи. Так, Н. Д. Манова отмечает, что деепричастие в коми языке сближается с морфологически развитым существительным (1984 : 125).

Судя по материалу пермских и марийского языков, деепричастия в них сохраняют многие особенности существительных, а также некоторые наречные, в последнем случае выполняя (в определенных случаях дистрибуции и/или у некоторых разрядов) функцию глагольных (сказуемых) атрибутов.

Проведенный анализ говорит о необходимости сформулировать новую дефиницию деепричастий для пермских и марийского язы-

ков, так как традиционные определения 1950—1960-х годов подходят лишь для части разрядов и/или для них лишь в определенных функциях. Дефиниция деепричастий как неспрягаемого разряда глагола в идеале должна охватывать все наиболее характерные особенности деепричастий, куда входят следующие параметры: 1) они объединяют особенности глагола, существительного и наречия, являясь изменяемыми словами; 2) выражают как зависимое действие (относятся к сказуемому в качестве зависимого от него атрибута), так и самостоятельное (относятся к содержанию предложения в целом и выполняют функцию адвербиальной предикативной единицы), 3) могут иметь как единый с основным глаголом, так и самостоятельный субъект действия, выражаемый разными способами, 4) несут различную грамматическую семантику, которая выражает как такисно-временные отношения, так и определенно-субъектные, определенно-указательные; 5) синтаксически выражают различного вида обстоятельства или адвербиальные предикативные единицы. Отсюда — проблема выявления адекватного статуса деепричастий в системе глагола и в целом в системе языка. Материал деепричастий пермских и марийского языков нуждается в новом прочтении и анализе на основе современных исследований в области грамматической семантики и коммуникативного синтаксиса.

Addresses:

Jevgenij Cypanov
Institut of Language, Literature and History
of the Komi Research Centre
E-mail: tsypanov@kse.komisc.ru

Ljudmila Andrejeva
Yugra State University, Nanty-Mansijsk

Сокращения

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика и морфология, Кудымкар 1962; **РЯ** — Русский язык. Энциклопедия, Москва 1997; **СКЯ** — Современный коми язык. Ч. I. Фонетика. Лексика. Морфология. Отв. ред. В. И. Лыткин, Сыктывкар 1955; **СМЯ** — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961.

ЛИТЕРАТУРА

- А л ь б и н с к и й А. 1837, Черемисская грамматика, Казань.
А х м а н о в а О. С. 2007, Словарь лингвистических терминов, Москва.
Б у б р и х Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
И с а н б а е в Н. И. 1961, Деепричастия в марийском языке, Йошкар-Ола.
К о к л а П. 1963, Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Таллин.
М а н о в а Н. Д. 1984, Грамматические свойства русского и коми деепричастий в сопоставительном освещении. — Взаимодействие финно-угорских и русского языков, Сыктывкар, 120—129.
П е р е в о щ и к о в П. Н. 1959, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск.
С у х а н о в а В. С. 1951, Деепричастные наречия в коми языке. Автореф. канд. дисс., Петрозаводск.

- Черемисина М. И. 1977, Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем. — Сложное предложение в языках разных систем (Сборник научных трудов), Новосибирск, 3—28.
- Alhoniemi A. 1985, *Marin kielioppi*, Helsinki (Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten X).
- Bartens R. 1979, *Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi*, Helsinki (MSFOu 170).
- 2000, *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*, Helsinki (SUST 238).
- Fokos-Fuchs D. R. 1958, *Die Verbaladverbien der permischen Sprachen*. — *ALHung*, VIII, 273—342.
- Haspelmath M. 1994, *Passive Participles across Languages*. — *Voice: Form and Funktion*, Amsterdam—Philadelphia (Typological Studies in Language 27), 151—177.
- Kangasmaa-Minn E. 1966, *The Syntactical Distribution of the Chere-mis Genitive*, Turku.
- Nedjalkov, V. P. 1995, *Some Typological Parameters of Converbs*. — *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*, Berlin, 97—136.
- Ramstedt, G. J. 1952, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Formenlehre*, Helsinki (MSFOu 104:2).
- Rätsep H. 1954, *Infiniitsed verbivormid soome-ugri keeltes*. *Dissertatsioon filoloogiateaduste kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks*, Tartu.
- Stipa G. 1960, *Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen*, Helsinki (MSFOu 121).
- Tauli V. 1966, *Structural Tendencies in Uralic Languages*, The Hague (UAS 17).
- Uotila T. E. 1938, *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis*, Helsinki (Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten VI).
- Wiedemann F. J. 1884, *Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen*, St. Petersburg.
- Ylikoski J. 2001, *Converbs in Finnish and Komi: Differences and Similarities*. — *CIFU IX, Pars VI*, 420—424.

JEVGENIJ CYPANOV (Syktyvkar), *LJUDMILA ANDREJEVA* (Chanty-Mansijsk)

ÜBER DEFINITIONEN DER GERUNDIEN UND IHREN STATUS IN DEN PERMISCHEN UND MARISCHEN SPRACHEN

Im Mittelpunkt des Artikels steht eine Analyse von Definitionen zu Gerundien im Permischen und Marischen, die grundlegenden wissenschaftlichen Werken und Grammatiken von sowjetischen Sprachforschern aus den 1950er und 1960er entnommen wurden. Aufgezeigt werden wesentliche Mängel in den theoretischen Auffassungen über diese infinitiven Verbformen. Nicht von der Hand zu weisen ist, dass die Autoren dieser wissenschaftlichen Abhandlungen vollkommen von der Bestimmung der Gerundien, die in dieser Zeit in der Sprachwissenschaft des Russischen vorherrschte, ausgingen, was hinreichend zu nichtobjektiven theoretischen Positionen über den Charakter und die Eigenschaften marischer und permischer Gerundien führte. Anhand einer kritischen Analyse dieser Definitionen wird nun eine erweiterte Definition vorgeschlagen, die von Belegmaterial aus diesen Sprachen ausgeht und noch mehr spezielle Züge der marischen und permische Gerundien einbezieht.